

19.02.06

Дуров Лев Константинович

20

РУССКИЙ КУРЬЕР 6 (539) 13 – 19 февраля 2006 года

8 и 9 марта на сцене Дома музыки будет петь Демис Руссос

16 февраля Ларри Корнел, Виктор Бейли, Ленни Уайт и обладательница «Грэмми» Патти Смит выступят на фестивале «Триумф джаза»

17 февраля Мариинский театр покажет на сцене Большого оперу Россини «Путешествие в Реймс»

ЖИВАЯ КУЛЬТУРА

Как Седой стал Артистом

Лев Дуров о своей хулиганской юности

ОТ ПЕРВОГО ЛИЦА

Мы разговаривали с Львом Дуровым несколько раз: какие-то беседы публиковались, другие кассеты ложились в стол – на будущее. А потом, 7 декабря минувшего года, на репетиции спектакля «Кавалер роз» Дурову стало плохо, и он попал в больницу с диагнозом «мигроинсульт». Этот материал писался, когда он лежал в палате сосудистого отделения НИИ имени Склифосовского – на пленке Лев Дуров рассказывал о своей молодости.

Алексей Александров
Журналист

Сейчас в театре все стало деловыми, игры и шалости из него уходят.

Если бы меня не взяли в Школу-студию МХАТ, я пошел бы на завод, стал бы токарем или слесарем.

– Ваш прапрадед, саратовский градоначальник, обставил Пушкина в карты, а вы были готовы идти на завод. Род Дуровых опростился?

– После 1917 года вспоминать о своих корнях было небезопасно. А знаменитые братья Дуровы, к примеру, вообще не ощущали себя дворянами – трудно помнить о своем родословном древе, выходя на сцену в клоунском колпаке. Мой отец работал взрывником, мать – сотрудницей военно-исторического архива, а я был уличным лефортовским парнем.

Сперва были обычные дворовые игры: казаки-раз-

бойники, двенадцать палочек, штандер, пристеночек. Потом голубятня – там пошли дела посерьезней. Были и криминальные дела, голубятни «поднимали». Приходим однажды к себе, а голубятня пустая – всех птиц украли...

– Как разбирались с теми, кто «поднимал» голубятни?

– Шли ночью и «поднимали» его собственную. Иногда хозяин выскакивал с топором в руках – один наш парень, испугавшись топора, прыгнул с крыши и сломал обе ноги.

Было одно табу: запрещалось тормозить окольцованных голубей, ходивших с почтой. Ни один голубятник, даже прикормленный, отмотавший срок, не позволил бы себе этого сделать.

– Много было таких?

– Примерно половина. Тогда ведь сажали за любую мелочь, в том числе и за прогулы.

– Лефортово было криминальным районом?

– Тогда было три криминальных района: Марьино, Лефортово и Измайлово. Там и «малины» были, и «хазы» – все, как полагается. Между собой они не враждовали, «держали зону». Наша зона была между Новослободской, кинотеатром «Третий интернационал» и Елоховской церковью. Тут меня никто не мог тронуть, но за пределами «зоны» могло произойти что угодно. Обычно отношения выясняли за сараем: «Стыкнемся?» – «Стыкнемся». Кровь пошла – и ладно. Но у взрослых все было гораздо серьезней.

У меня был вихиревый голубь-скаун. Это мутант, выродок голубиного племени: он сидит, и башка у него крутится, как локатор. Увидев чужого голубя, скаун взлетает и бьет его, пока не посадит. Если этот голубь тебе не нравится, ты его продаешь. Или если он ценной породы, обрезаешь ему маховые перья и оставляешь себе. Пока перья отрастают,

«Помните слова старой песни: «Если смерти – то мгновенной, если раны – небольшой...» Я желал бы себе первого».

ФОТО ПЕТРА СИДОРОВА

он привыкает к твоей голубятне, а затем ты выпускаешь его в грохот со стаей.

Мой голубь сел на чужую голубятню. Хозяин, большой сильный мужик, принес его мне: «Седой (так меня звали в Лефортове), давай деньги, а то скакуну твоему башку оторву». Я сказал: «Подожди, сейчас придут взрослые, откуда у меня деньги...»

Но он ждать не стал и на моих глазах оторвал голубю голову – взял его за шею и ударил о колено. Со мной случилась истерика, и я сказал ему все, что малолетке не полагалось говорить мужику. Вот его друзья и отместили меня сапогами.

Когда я поправился, взрослые взяли меня и пошли разбираться. Те играли в карты. Наши подошли и стали рядом: «Надо извиниться перед малолеткой». Началось толковище, один из игроков потянулся за картами, но взять их не успел. Ножницами, лежащими на соседней полке, ему припилили руку к столешнице и страшно, до полусмерти избили всех, кто там был. А потом, встречая эту братву на улице, взрослые нормально с ними общались – произошел расчет.

Законы в Лефортове были жестокие – тому, кто был в чем-то виноват, говорили: «Отдержись!» И три раза били его чем ни попа-

дя: ногой в пах, дубиной, кирпичом по голове. Если ты выдерживал, то вина снималась. Если завыл и попросил пощады, тебя больше не было – Лефортово такого человека выбрасывало.

– Как же в вашей жизни возник театр?

– После очередной драки меня затащили в Дом пионеров – там был детский театр, и он мне понравился. Прозанимался три года, сам делал декорации, у всех отбирал роли – и в конце концов из меня выбили улицу. Она ко мне претензий не имела: «Седой в артисты подался, человек театром занимается...» За спиной, конечно, посмеивались, но в лицо грубить боялись – можно было и по зубам получить.

А когда я поступил в Школу-студию МХАТ, об улице просто пришлось забыть: времени не хватало ни на что.

– Почему после института вы пошли в Центральный детский театр, а не остались во МХАТе?

– Меня собирались брать в Художественный театр. Но у нас преподавал Олег Ефремов, и он агитировал за Центральный детский: «Иди к нам, не ходи во МХАТ». Я согласился – там была одна из лучших московских трупп.

Потом были Театр имени Ленинского комсомола, а за-

тем Бронная – здесь я вырос, здесь состарился, тут и завершатся мои театральные дни.

– Кто из партнеров по сцене запомнился вам больше всего?

– Андрей Миронов в «Продолжении Дон Жуана» Радзинского. Я думаю, что это была одна из лучших его ролей. У Андрея был неправильный состав крови – результатом этого стал тяжелый фурункул. Когда он снимал кафтан Дон Жуана, у него вся рубашка была в крови. Ему было жутко больно, но он и вида не показывал: доставал из кейса чистую рубашку, надевал ее и уходил – жизнерадостный и веселый...

– Чего вы хотите от жизни?

– Помните слова старой песни: «Если смерти – то мгновенной, если раны – небольшой...» Я желал бы себе первого.

Несколько лет назад у меня был инсульт, я заново учился ходить. После него у меня периферийное зрение улетело, я не вижу ни справа, ни слева, ни вверх, ни вниз, но машину все равно водил. А на сцене ориентируюсь по запаху – я же их всех, сволочей, уже по тридцать лет знаю...

Да ладно. Прорвемся. Что об этом вспоминать, давайте-ка я вам лучше анекдот расскажу....

ДОСЬЕ

ДУРОВ Лев Константинович родился 23 декабря 1931 года в Москве. Окончил Школу-студию МХАТ (1954), Высшие режиссерские курсы при ГИТИСе (1978). В 1954–1963 гг. – актер Центрального детского театра, в 1964–1967 гг. – актер Центрального Ленинского комсомола, с 1967 г. – актер Драматического театра на Малой Бронной. Народный артист СССР (1990). С 2003 года главный режиссер Театра на Малой Бронной.

Недавно Дуров вышел из больницы. Премьера спектакля «Кавалер роз» состоится 11 марта, в день юбилея Театра на Малой Бронной.

Мой голубь сел на чужую голубятню. Хозяин, большой сильный мужик, принес его мне: «Седой (так меня звали в Лефортове), давай деньги, а то скакуну твоему башку оторву»